



«ПОЭЗИЯ ЖИВА СВОИМ УСТАВОМ...»

БЕСЕДА С ПОЭТОМ АНДРЕЕМ ДЕМЕНТЬЕВЫМ

— Андрей Дмитриевич, вы автор девяти поэтических книг. Что бы вы сейчас сказали о своих первых шагах в поэзии? Находите ли что-то общее между вашими книгами — первой и недавно вышедшей?

— Первая книга поэта — это всегда вся его жизнь, пусть еще недолгая, неумелая, порывистая, где даже незначительные события становятся стихами, но жизнь. По первой книге трудно предугадать дальнейшую судьбу молодого автора, но можно почувствовать его характер и пристрастия. Чаще всего именно недостаток литературного опыта обнажает сердце, полное доверия и наивности. И хотя мой первый сборник вышел после того как я закончил Литературный институт, жизненного и поэтического опыта у меня было крайне мало. Зато в избытке было неосознанного желания поделить себя собой, своей судьбой с другими людьми. Подчеркиваю, собой, потому что поэзия, на мой взгляд, — это бесконечная верность самому себе, когда особенно необходимы сочувствие и понимание.

Пушкин писал: «Поэзия бывает исключительно страстию немногих, родившихся поэтами; она объемлет и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни...» А первая книга — это первые усилия и первые впечатления, первая заполненная строка в воображаемой поэтической анкете, где пока названо только имя, все остальное и все самое главное — позже. Заполнять эти графы приходится всю жизнь. Думаю, нет в мире поэта, который бы отказался от своих ранних строк, ибо в них начало его личности.

— У кого вы учились поэтическому мастерству? Менялись ли со временем учителя и кумиры? Или круг любимых поэтов оставался неизменным?

— Для меня учителем всегда была сама поэзия. В 13 лет я прочел всего Шекспира, всего Пушкина, примерно тогда же увлекся Тютчевым и Фетом, стихами Баратынского, Батюшкова, Языкова, Веневитинова, Есенина... Современная поэзия началась для меня с творчества поэтов-фронтовиков. И сразу накатилась горячая волна увлечения, восторга и удивления. Стихи поразили меня своим печальным мужеством и абсолютной чистотой. Я читал М. Луконина, С. Наровчатова, Ю. Друнину, А. Межирова. И если бы меня в те послевоенные годы спросили, кто твой любимый поэт, я назвал бы больше десятка имен. Я мечтал подняться в самом себе до тех высот нравственности и духовной чистоты, которыми была наполнена каждая строка военной лирики. Высокая поэзия великих лет вошла в мое сердце, как входят волнение и боль, когда стоишь у Вечного огня.

А потом пришли Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Окуджава, Р. Рождествен-

ский. Все мы — их сверстники и коллеги, жившие тогда на периферии (а я после Литинститута вернулся в свой Калинин), с большим интересом следили за творчеством этих поэтов. Но у меня к тому времени уже вышли первые книги, и я жил в собственном лирическом мире, боясь разрушить его чужим вмешательством. Оставался верен своей творческой манере.

— Глубокий лиризм и высокая гражданственность — эти черты всегда были свойственны вашим лучшим стихам. Видимо, в них нужно искать смысл вашего творческого кредо?

— «Глубокий лиризм и высокая гражданственность» — это, пожалуй, вершина поэтического поиска, его цель. У меня есть полусуеверная примета: если в момент работы я чувствую, что по спине побежали мурашки от только что написанных строк, — значит, такие же мурашки волнения могут побежать и по спинам других. Ибо в конечном счете все мы внутренне похожи: грустим, радуемся и негодуем по схожим поводам. Я не могу, например, писать о том, что меня не взволновало, не потрясло, не вызвало боль, тревогу или веселье и надежды. Не случайно большинство моих лирических стихотворений связано с конкретными людьми и событиями. Характер пишущего, как мне кажется, во многом определяет тему. Вряд ли сангвиник написал бы такие стихи, как «Я не унижусь пред тобою...» Искренность — суть лирики. Поэтому великий лирик Михаил Лермонтов смог создать высокогражданственное стихотворение «На смерть поэта», в котором на волне личного отношения к Пушкину поднялся до бессмертного обличения и гениальных пророчеств. Тонкий лиризм и высокая гражданственность неразрывно связаны. Как все в нашей жизни. Весенними побегами можно украсить дом, а можно в кровь исхлестать...

Меня всегда волнует чужая беда. Поэтому в моих книгах много грустных стихов. Каждое искреннее слово, сказанное в утешение или в укор, не пропадает даром. Кто-то задумается, кто-то станет чуточку сильнее, кто-то очистится строкой. Я знаю это по письмам читателей. Мое поэтическое кредо — быть всегда самим собой. Быть добрым с людьми, благодарным им и чутким к их жизни.

— Вы заместитель главного редактора журнала «Юность». Что дает вам как поэту эта работа?

— Очень многое. Борис Николаевич Полевой, главный редактор журнала, — наставник и мой юности. Когда я заканчивал Литинститут, он по праву старшего и земляка посоветовал мне вернуться в наши калининские края, чтобы там, среди родных полей и людей, приобщиться

к журналистскому труду, набраться впечатлений и опыта, «поискать себя». И хотя он прозаик, его суждения и советы были и остаются для меня очень нужными и дорогими. Мы дружим с ним уже больше четверти века. Думаю, что общение с Полевым — фронтовиком укрепило во мне интерес к военной теме. И многие мои стихи, посвященные Великой Отечественной войне, были написаны не без его влияния.

Любой столичный журнал, в том числе «Юность», привлекает к себе многих писателей. Редакция — штаб большого литературного соединения. Находиться в гуще событий и одновременно быть в какой-то степени участником их — большая польза для поэта, постоянный повод для размышлений.

— Как руководитель журнала вы имеете непосредственный контакт с молодежью, с поэтической сменой. Какие тенденции развития молодой поэзии представляются вам наиболее перспективными?

— Нынешние молодые поэты — люди очень знающие, образованные. Мы в их годы знали меньше. Но меня пугает в некоторых молодых замедленное гражданское возмужание. Этим, вероятно, объясняется и вторичность, книжность их поэзии. Общая культура стиха стала необыкновенно высокой: и зарифмуют неожиданно, и размером поразят, и точным эпитетом... А читаешь, и сердце остается на месте. Будто не стихи читаешь, а проверяешь упражнение по стихосложению. Подчас такому вот образованному и постигшему теорию литературы молодому человеку сказать своему читателю нечего. Не только потому, что он плохо знает жизнь (это поправимо), а потому, что, сотворив уже немало стихотворений, он еще не сотворил себя. А если в тачке, которую он катит, кроме тетрадей со стихами возвышается и охапка тщеславия и самонимия, то опасность усугубляется. Я остановился на негативе не потому, что это массовое явление. А чтобы сказать: перспектив на таком пути в литературу 0,01 процента.

Среди молодых много интересных и способных поэтов, которые все хотят проверить на себе, не играют в литературу, а понимают ее как ежедневный труд и постижение мастерства. Недавно в ЦДРИ был вечер молодых поэтов «Юности». Слушая стихи Александра Щуплова, Елены Ананьевой, Равили Бухараева, я думал: «Какие они серьезные в своем стремлении рассказывать о времени и о себе...» Эти ребята и многие их ровесники, пришедшие в журнал, знают, что дорога в поэзию лежит через поиск самих себя, через правду жизни и откровенные размышления о ней. Именно для таких талантливых молодых «Юность» и организовала литературную студию «Зеленая лампа», откликнувшись на постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью».

— Широкою известность принесли вам песни, в частности написанные в сотрудничестве с молодым композитором Евгением Мартыновым. Расскажите, пожалуйста, как возникло между вами творческое взаимопонимание.

— Однажды в «Юность» пришел юноша, представился: Евгений Мартынов, выпускник Донецкого музыкально-педагогического института. Достал клавир и песню, написанную на мои стихи «Баллада о матери». Дома у меня он спел ее. И поразил: прекрасный голос, великолепно играет на фортепьяно.

Музыка мне тоже очень понравилась. Вскоре нашу «Балладу о матери» всюду запели. А потом мы написали «Лебединую верность». Она стала известна у нас и за рубежом. «Аленушка», «Я жду весну», «Волга», «Чайки над водой»... Недавно мы с Евгением закончили новую песню — «Отчий дом», которую записала на пластинку София Ротару... Мне иногда кажется, что музыка Мартынова и мои стихи все равно бы нашли друг друга, потому что они очень близки по настроению, родственны, что ли. Впрочем, мне судить об этом нелегко.

— Я не ошибусь, если скажу, что работа отнимает у вас большую часть суток? И все-таки трудно представить человека без досуга. Какой он у вас? Что вы любите делать в свободное время?

— Люблю лес. Во все времена года. Написал о нем много стихов. Если удается, мой досуг — лес с его тишиной и одиночеством. С птичьими голосами и грибами. Лес России, на который ничто не похоже — ни сибирская тайга, ни тропические заросли. Он и сосновый, и березовый, и молодой, и старый, и зеленый, и белый — вечный русский лес. И еще цветы — они зеленеют, вяются, растут у меня дома, я ухаживаю за ними, разговариваю с ними, как с живыми существами. Когда куда-нибудь уезжаю — всегдашняя просьба к домашним: берегите цветы.

Беседу вел А. ИВАНУШКИН.